

ОКОРМЛЕНИЕ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС: СООТНОШЕНИЕ ДУХОВНОГО И ПРИРОДНОГО

В статье рассматривается окормление как художественный комплекс, нашедший свое воплощение в романе И.С. Шмелева «Лето Господне». В ходе исследования делается вывод об особом – органичном – соотношении в романе природного и духовного с ценностным преобладанием последнего.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, «Лето Господне», художественный комплекс, феномен, окормление/кормление, соотношение духовного и природного.

В настоящее время проявляется устойчивый исследовательский интерес к творчеству И.С. Шмелева. Многие современные литературоведы ориентированы на изучение произведений писателя русского зарубежья (О.Н. Сорокина, Е.А. Осьминина, О.Н. Михайлов, О.Я. Дзыга). Актуальность Шмелева-писателя связана не только с тем, что творческое наследие Ивана Сергеевича стало доступно русскому читателю сравнительно недавно, но и с тем, что произведения Шмелева способны противопоставить культурируемой в современной литературе картине ценностного хаоса устоявшуюся аксиологическую структуру мира. В творчестве Шмелева формируется сложная система художественных комплексов, одним из которых является *окормление*.

Данная работа посвящена выявлению и раскрытию феномена *окормление* в романе И.С. Шмелева «Лето Господне». Надо заметить, что семантика лексемы *окормление*, церковнославянской по своей природе, подразумевает, прежде всего, духовную составляющую и употребляется в двух основных значениях:

1) *Окормление* (от греч. «κυβέρνησις») – руководство, управление кораблем кормчего: «волны мук преплыvше окормлением Слова, всехвальнии Христовы страдальцы» – одолевшие волны мучений под кормчим управлением Слова, всеславные Христовы мученики (глас 5, среда, утреня, канон 1, 1–4);

2) *Окормление* – пастырское руководство, духовничество. Духовное окормление есть особая форма служения, заключающаяся как в смиренном учительском действии пастыря, так и в содействующем ему действии благодати Божией [1, с. 226].

Паронимическая лексема *кормление* (в значении «питание»), в свою очередь, имеет отношение к природному, телесному уровню.

В «Лете Господнем» лексемы *окормление/кормление* должны быть рассмотрены прежде всего применительно к Ванечке, маленькому герою романа. Необходимо обратить внимание на то, что лексема *окормление* семантически связана с лексемой *воспитание*. Именно ребенок нуждается в *воспитании*: его надо не только питать, но и *воспитывать*, то есть дать *кормление* телесное и *окормление* душевное и духовное.

Прежде чем рассмотреть комплекс *окормление* в тексте романа, стоит сказать о проблеме прочтения-актуализации смыслов текста в сознании читателя. «Другая» эпоха, «другая» культурная парадигма стирает «старые» смыслы, и читатель перестает их

* © Щепалина Е.А., 2015

Щепалина Екатерина Александровна (katerina-shhepalina@yandex.ru), кафедра русской и зарубежной литературы, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

воспринимать. В советскую эпоху перестали актуализироваться и переживаться христианские ценности, которые в романе кодируются с помощью церковнославянизмов.

Окормление — это церковнославянизм, который в сознании современного читателя скорее всего не будет прочитываться в ценностном ключе. Поэтому в настоящее время возникает потребность прояснения смыслов и восстановления писательских кодов.

Церковнославянизмы особенно важны для художественного мира Шмелева, так как они имеют отношение к онтологическому уровню языка, обладают статусом вечности, возводят к изначальному: «В начале было Слово...» (Ин. 1: 1). Весь текст «Лета Господня» пронизан Библейскими цитатами и смыслами. Это видно даже в названии: «Лѣто Господне» (первоначально «лѣто» писалось с «ятем»). Здесь просвечивает цитата из Библии, одновременно из Ветхого и из Нового Завета, она как бы скрепляет старое и новое. В Евангелии от Луки читаем, что Христос приходит в синагогу и зачитывает место из пророка Исаии: «Духъ Господень на мнѣ: егоже ради помаза мя зачитывает место из пророка Исаии: егоже ради помаза мя благовѣстите нищымъ, послы мя исцѣлии сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе, отпустити сокрушенныя во отраду, проповѣдати лѣто Господне пріятно» (Лк. 4: 18–19).

В этой фразе как бы встречается Ветхий и Новый Завет. Пророчество становится осозаемым, вот Он — Христос — возвращает «лето Господне благоприятное». Не случайно Шмелев обращается именно к этой цитате из Библии: этот отрывок читают в Церкви в день Новолетия. Здесь кроется особый авторский посыл: Шмелев хочет через Слово и в Слове воскресить Святую Русь, обновить Ее.

Текст романа писался с 1927 по 1948 г. в Париже, в эмиграции, когда духовная мощь России, казалось бы, ушла в прошлое навсегда. Писатель хочет нивелировать духовный разрыв, произошедший между Русью и Советской Россией, через событие вечного воспоминания Священной Истории, через обращение к Библейскому слову.

Шмелев писал роман для своего крестника Ива Жантийома-Кутырина, жившего во Франции. Целью писателя было *окормление* поколений, родившихся на чужбине и не знакомых с духовным опытом предков. «Им мы должны отдать хранимую Россию, нетленный ее в нас облик», — говорил И.С. Шмелев.

Центральной фигурой в романе, осуществляющей *духовное окормление*, воспитание Ванечки, становится старый плотник — Горкин, «русский верующий простец», как сказал о нем Иван Ильин.

Именно через общение с Горкиным Ваня приобщается к многовековому духовному опыту Святой Руси, Руси народной. Ванечка считает своего воспитателя «почти святым»: «Горкин сегодня причащался и потому нарядный. На нем синий казакинчик и сияющие козловые сапожки. На бурой, в мелких морщинках, шее розовый платочек-шарфик. Маленькое лицо, сухое, как у угодничков, с реденькой и седой бородкой, светится, как иконка. «Кто он будет?» — думаю о нем: — «свято-мученик или преподобный, когда помрет?» Мне кажется, что он непременно будет преподобный, как Сергий Преподобный: очень они похожи. — Ты будешь преподобный, когда помрешь? — спрашиваю я Горкина. — Да ты сдурел! — вскрикивает он в крестится, и в лице у него испуг. — Меня, может, и к раю-то не подпустят... О, Господи... ах ты, глупый, глупый, чего сказал. У меня грехов...» [2, с. 65–66].

Мнение старого филенщика для Вани самое авторитетное, перед ним ребенок даже не стесняется исповедать свои грехи: «...Вот ты умник, ты дотерпел, знаю. И молочка в пост не пил, небось?

— Не пил... — тихо говорю я, боясь поглядеть на Горкина, и вот, на глаза наплывают слезы, и через эти слезы радостно видится скорлупка. Я вспоминаю горько, что и у меня не будет настоящего Праздника. Сказать или не сказать Горкину?

— Вот умница... и младенец, а умней Оndрейки-ду-рака, — говорит он, поокивая. — И будет тебе Праздник в радость.

Сказать, сказать! Мне стыдно, что Горкин хвалит, я совсем не могу дышать, и радостная скорлупка в луже словно велит сознаться. И я сквозь слезы, тычась в коленки Горкину, говорю:

— Горкин... я... я... я съел ветчинки...

Он садится на корточки, смотрит в мои глаза, смахивает слезинки шершавым пальцем, разглаживает мне бровки, смотрит так ласково...

— Сказал, покаялся... и простит Господь. Со слезкой покаялся... и нет на тебе греха. Он целует мне мокрый глаз. Мне легко. Радостно светится скорлупка» [2, с. 66–67].

Горкин, этот «младенствующий старец», оказывается наиболее близок к познанию Божественных истин. Речь плотника представляет собой синтез церковных песнопений, молитв и языческих поверий. В его образе соединяется Русь Православная и Русь народная, христианское и языческое сознание, но преобладает все же первое.

В романе члены семьи Шмелевых не выступают на первый план (кроме отца мальчика, Сергея Ивановича). Фигура отца актуализируется не случайно, именно он призван выполнять функции главы дома, купеческого рода в патриархальной семье, и что также важно для писателя, Сергей Иванович близок к народу, любит простой труд. Для Ванечки образ отца окутан почти божественным ореолом, он вспоминает прикосновение отцовской руки, запах его духов: «Я целую ласковую руку, пахнущую деревянным маслом. Он берет меня на колени, гладит...<...> Он помахивает платочком, и я слышу, как пахнет флердоранжем, даже сквозь ландыши» [2, с. 87]. Отец не дает маленькому Ване каких-то странных поучений, он окормляет его своим присутствием, своим примером на духовном и на эмпирическом, тактильном уровне.

Можно сказать, что ребенка воспитывает сам двор Замоскворечья с его церквями, природой и простым людом (большинство действующих лиц романа — дворовые Шмелевые, ремесленники). Отсюда изобилие в тексте пословиц, загадок, народных песен, прибауток, примет. Шмелев использует в романе сказовую манеру повествования, мастерски воссоздает речевой портрет каждого героя, пусть даже второстепенного, кажется, что купеческий дом Шмелевых, двор в Замоскворечье «говорит». Здесь и особенности севернорусских говоров (оканье): *Ондрейка, выростешь, робята; просторечья: кумпол, струмент, перекищимись;* просторечные частицы: *тык, мол, чай.*

Так, окормление ребенка начинается с дома. Далее, происходит расширение концентрических кругов: появляется пространство двора в Замоскворечье, где-то виднеются купола первопрестольной и вот, кажется, в душу Вани входит вся Русь: «Это — мое, я знаю. И стены, и башни, и соборы... и дымные облачка за ними, и эта моя река, и черные полыньи, в воронах, и лошадки, и заречная даль посадов... — были во мне всегда. И все я знаю. «...» И дым пожаров, и крики, и набат... — все помню. Бунты, и топоры, и плахи, и молебны — все мнится былью, моей былью... — будто во сне забытом» [2, с. 37]. Шмелев преображает в романе все увиденное им в детстве вторично, «Шмелев-ребенок появляется перед читателями словно бы в столпе света, умудренный всем опытом только предстоящего ему пути» [3, с. 23]. «Шмелев создает свой особенный, «круглый» мир, маленькую вселенную, от которой исходит свет патриотического одушевления и высшей нравственности [3, с. 23]. Но эта маленькая вселенная открыта для вечности.

Рядом с духовным, богослужебным циклом в романе соседствует природный цикл, связанный с телесной составляющей: посевы, покосы, сборка урожая; заговины, говянье, разговины. Все в доме Шмелевых проверяется опытом предков: так было при прабабке Устинье, так должно быть и сейчас.

Страницы романа изобилуют вкусными описаниями блюд русской кухни. Здесь и особенности великостной трапезы: «Будут варить компот, делать картофельные

котлеты с черносливом и шпталой, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки, изюм кувшинный, пастила рябиновая, постный сахар — лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва... <...> А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком, а кутья с мармеладом в первую субботу а миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, ... великая кулебяка на Благовещенье, с вязигой, с осетринкой!» [2, с. 18]. И скромная кухня на Господские праздники: «Зато на Рождество — свинину, все. В мясных, бывало, до потолка навалят, словно бревна, — мороженые свиньи. Окорока обрублены, к засолу. Так и лежат, рядами, — разводы розовые видно, снежком запорошило...» [2, с. 97]. С каждым блюдом связано какое-то особенное народное предание: «Велено их [свиней] есть на Рождество, за наказание! Не давала спать Младенцу, все хрюкала. Потому и называется — свинья! Он ее хотел погладить, а она, свинья, щетинкой Ему ручку уколола!» [2, с. 101].

Рецепты русской кухни воспроизведены настолько верно и подробно, что роман можно назвать «энциклопедией русских обычаев». «И так зарисовано все: от разливанного постного рынка до запахов и молитв яблочного Спаса, от «розговин» до крещенского купания в проруби. Все узлено и показано насыщенным видением, сердечным трепетом...» [4, с. 176].

В сознании ребенка формируется эмпирический макрокомплекс, ассоциирующийся с каждым церковным праздником и дающий возможность на чувственном уровне соприкоснуться с христианскими ценностями, красота Православия понимается и ощущается Ванечкой через земную красоту. Мир природы откликается на события Священной Истории. В романе возникают ряды **зрительно-цветовых образов**: *синеватый рассвет белеет; сад светлеет, голубеет; иней зарозовел, розово зачернелись галочки, проснулись; брызнуло розовой пылью, березы позлатились, и огненно-золотые пятна пали на белый снег.* **Звуковые образы**: *хруст морозный; звездный звон, певучий, звончудо, звон-виденье, славит Бога в вышних; бархат звонный, кроет серебром; ласковый напев-молитва.* **Тактильные образы**: *резанет, ожжет морозом; крепкий, морозный воздух; запушило инеем; звезды усатые, живые, боятся, колют глаз.* **Обонятельные образы**: *пахнет священно кипарисом; пахнет зеленою рощей; чудесно пахнет елкой.*

Даже животные откликаются на духовное торжество: «Хочется сказать Бушую, что Рождество, что даже волки добрые теперь и ходят со звездой... Крикнешь в конуре — «Бушуйка!». Цепью загремит, проснется, фыркнет, посунет мордой, добрый, мягкий. Положит руку, будто скажет: да, Рождество» [2, с. 100]. Воистину, «всякое дыхание да хвалит Господа!» (Пс. 150: 6).

Итак, христианский богослужебный круг в романе переплетается с природным циклом, *окормление* духовное с *кормлением* телесным. Важно заметить, что народная (аграрная культура) имеет дело с круговым временем, с тем, что нужно повторять из года в год, а христианская культура — с восходящим, со временем Священного Писания. Казалось бы, в христианстве есть годовой Богослужебный круг, но в нем все подчинено духовно реальному переживанию Священных событий, для того чтобы человек преобразился, совершил прорыв от бытового к бытийному. Шмелев показывает, что все телесные приготовления важны не сами по себе: «Он теперь сошел в ад и всех выводит из огненной геенны. И это для Него Ганька полез на крест, и отец в Кремле лазит на колокольню, и Василь-Василич, и все наши ребята, — **все для Него это!**» [2, с. 59].

В романе «Лето Господне» *кормление* телесное сопряжено с *окормлением* духовным, как естественно, органично сопряжение аграрных работ и духовного делания. Ванечка рождается, входит в окормленное пространство русской трудовой, полевой деятельности. Можно сказать, что сам уклад русской жизни окормляет. Бытовая жизнь освящается, возвышается через бытийное, вечностное.

Библиографический список

1. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008. 432 с.
2. Шмелев И.С. Лето Господне. Богомолье: Автобиографические повествования. Изд. 2-е. М.: Русская книга. XXI век, 2007. 608 с.
3. Михайлов О. Об Иване Шмелеве // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1: Повести. Солнце мертвых: роман-эпопея. М.: Литература, 1999. 624 с.
4. Ильин И.А. Творчество И.С. Шмелева // О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Мюнхен, 1959. 202 с.

References

1. Sedakova O.A. Glossary of difficult words of worship: Tserkovnoslaviano-Russian paronyms. M., Greko-latinskii kabinet Iu.A. Shichalina, 2008, 432 p. [in Russian].
2. Shmelev I.S. The Summer of the Lord. Pilgrimage: Autobiographical narrative. 2nd ed. M., Russkaia kniga. XXI vek, 2007, 608 p. [in Russian].
3. Mikhailov O. About Ivan Shmelev. Selected Works: in 2 Vol. Vol. 1: Stories. The Sun of the Dead: Novel – epic. M., Literatura, 1999, 624 p. [in Russian].
4. Il'in I.A. Creativity of I.S. Shmelev. *About darkness and enlightenment. The book of art criticism*. Munich, 1959, 202 p. [in Russian].

E.A. Shchepalina*

SPIRITUAL GUIDANCE AS AN ARTISTIC COMPLEX: RELATIONSHIP BETWEEN THE SPIRITUAL AND THE NATURAL

The article deals with the spiritual guidance as an artistic complex in the novel «The Summer of the Lord» by I.S. Shmelev. The conclusion is made about special – organic – relationship between the natural and the spiritual in the novel with value predominance of the latter.

Key words: I.S. Shmelev, «The Summer of the Lord», art complex, phenomenon, spiritual nourishment / feeding, relationship between the spiritual and the natural.

Статья поступила в редакцию 22/XI/2014.
The article received 22/XI/2014.

* Shchepalina Ekaterina Alexandrovna (katerina-shhepalina@yandex.ru), Department of Russian and Foreign Literature, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.